

Литературоведение

УДК 861.161
DOI 10.17223/18137083/76/4

Статьи из *Fioretti di San Francesco* в русском сборнике *Великое Зерцало как exemplum*

С. К. Севастьянова

Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия

Аннотация

Одна из задач изучения переведенного в конце XVII в. на русский язык западноевропейского сборника *Великое Зерцало* состоит в выявлении его сюжетно-тематических связей с древнерусской письменной культурой. В составе книги обнаружены семь рассказов и новелл о Франциске Ассизском († 1226) и его спутниках, которые входили в средневековый флорилегиум – сборник легенд об основателе нищенствующего ордена под названием *Фиоретти* (XIV в.). По тематике и сюжетно-мотивному наполнению, по использованию в повествованиях о первых францисканцах отдельных свойств средневековых жанровых форм они близки к поучительным рассказам о подвижниках из переводных и отечественных патериков, Пролога, четных минейных сборников и агиографии, которые, как и «цветочные» нарративы, соответствовали материалу, востребованному в морально-религиозных наставлениях христиан. Статьи из *Фиоретти* в *Великом Зерцале* имеют небольшой объем, минимальное количество действующих лиц, повествуют о связи и взаимообмене земного и небесного миров. Это сближает их с *exemplum* – самым известным феноменом латинской письменной культуры, где экзemplum служил поучительной «основой» средневековой проповеди и являлся важной составной частью коллекций религиозного и светского содержания типа «зерцало». Обобщив теоретический опыт, автор статьи следует за современными зарубежными и отечественными учеными и понимает под «примером» реализуемый в дидактическом дискурсе нарратив небольшого объема, в рецепции которого используются признаки средневековых жанров. «Цветочные» статьи-*exempla* в русском *Великом Зерцале*, лишённые персонализации и топологических привязок, в типичном и обобщенном событии олицетворяют универсальный порядок.

Ключевые слова

Великое Зерцало, *Фиоретти*, *exemplum*, жанр, способ организации события или явления, сюжетно-мотивные связи

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Жанровые сюжетно-мотивные комплексы в русской литературе: от Средневековья до современности» (проект № 0328-2016-0001) по приоритетному направлению «Изучение духовных и эстетических ценностей отечественной и мировой литературы и фольклора»

© С. К. Севастьянова, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 3
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 3

Для цитирования

Севастьянова С. К. Статьи из *Fioretti di San Francesco* в русском сборнике *Великое Зерцало* как *exemplum* // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 49–61. DOI 10.17223/18137083/76/4

**Articles from *Fioretti di San Francesco*
in Russian collection *Velikoe Zertsalo* (Speculum Maius)
as an *exemplum***

S. K. Sevastyanova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation
Siberian Institute of Management – branch of RANEPA
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Studying the Western European collection *Speculum Maius* (the Great Mirror) translated into Russian at the end of the 17th century involves identifying its plot-thematic connections with the ancient Russian written culture. Seven stories about Francis of Assisi († 1226) and his companions were discovered in the collection that were included in the medieval florilegium – he legends about the founder of a mendicant order called *Fioretti* (14th century). Their thematic and motif content and use of medieval genre forms in the narratives about the first Franciscans are close to the instructive accounts of ascetics from the translated and domestic *pateries*, the Prologue, the Menalogies for reading collections and hagiography, which, like the “floral” narratives, were in line with the material demanded in the moral and religious instructions of Christians. The articles from *Fioretti* in the *Great Mirror* have a small volume, a minimal number of characters, narrate the connection and interchange of the earthly and heavenly worlds. This brings them closer to the *exemplum* – the most famous Latin written culture phenomenon, serving as an instructive “basis” of medieval sermons and being an important part of collections of religious and secular content such as “*zertsalo*.” Summarizing theoretical experience, the author follows modern foreign and domestic scholars and understands an “*exemplum*” as a narrative of a small volume implemented in didactic discourse, with its reception using signs of medieval genres. “Flower” articles-*exempla* of the Russian *Great Mirror*, devoid of personalization and topological references, embody a universal order in a typical and generalized event.

Keywords

The Great Mirror, Fioretti, exemplum, genre, way of organizing an event or phenomenon, plot-motive connections

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the SB RAS “Genre plot-motive complexes in Russian literature: from the Middle Ages to the present” (project no. 0328-2016-0001) in the priority direction “Study of the spiritual and aesthetic values of Russian and world literature and folklore”

For citation

Sevastyanova S. K. Articles from *Fioretti di San Francesco* in Russian collection *Velikoe Zertsalo* (Speculum Maius) as an *exemplum*. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 3, pp. 49–61. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/76/4

В конце XVII в. с польских изданий был дважды переведен на русский язык западноевропейский сборник новелл и рассказов религиозного и светского содержания *Великое Зерцало*. Источником первого переложения стало краковское издание 1633 г. *Wielkie zwierciadło przykładów*¹, прототипом которого была латинская книга *Speculum exemplorum ex diversis libris in unum laboriose collectum*, изданная в Нидерландах в 1481 г. Второй перевод как дополнение к первому сделан с польского издания 1621 или 1624 г. [Николаев, 1988]. К важным задачам исследования русского сборника относят изучение его политематического пространства и сюжетно-мотивных связей с древнерусской книжностью и литературой [Державина, 1965, с. 5, 17–57, 157].

Исследуя состав польских оригиналов, П. В. Владимиров очертил в них широкий круг латинских «примеров» и средневековых легенд, попавших в русский перевод [1884, с. 5–29; прилож. 2]. Среди них статьи, где персонажи имеют нехарактерные для православной традиции имена («Моссей») и географические привязки («Антоний от Падвы»), что позволяет соотнести их с католическим святым Франциском Ассизским († 1226), у которого, как известно из других источников, учеником был брат Массео († 1280), а последователем – Антоний Падуанский († 1231).

Рассказы о чудесных и поучительных случаях из жизни монахов нищенствующего ордена, названного именем Франциска, собраны во многих средневековых источниках, из которых выделяется флорилегий *Fioretti di San Francesco*, или *Фиоретти*. Литературные переложения «цветочных» легенд появились в России в эпоху Серебряного века. Но благодаря переводчикам Посольского приказа отечественный читатель уже в конце XVII в. познакомился с семью статьями из *Фиоретти*. Шесть из них вошли в первый перевод, одна – во второй². Перечислим их, кратко пересказав содержание.

1. «Прилог 19. Ангел от монаха Моссея научися, како у врат монастырских звонити, брата же некоего той же Ангел чрез реку преведе, гордый же монах того же Ангела отгна, по сем от чина монашескаго отпаде. Глава 49» (л. 68 – 70 об.). У ворот монастыря в виде благообразного юноши появился Ангел. Он звонил «нечинно», и Массео объяснил, как правильно это делать. Странник просил о встрече с братом Илией. Тот, выйдя, нагрубил гостю и захлопнул перед ним ворота. Возвращавшийся из паломнического путешествия монах встретил Ангела, который перенес его через реку. Узнав об этом, братья заключили, что один и тот же небесный посланник удостоил всех своим посещением.

2. «Прилог 11. Болному и прокаженному един от святых тело и душу его исцели. Глава 131» (л. 125 об. – 127). В лепрозории при монастыре, где игумен благословил служить монахам, прокаженный распускал руки и хулил Христа и Богоматерь. Настоятелю открылась одержимость больного, и он стал ухаживать за ним. После кончины прокаженный явился ему и сообщил, что благодаря молитвам и «пречестности» игумена его душа попала в рай.

3. «Прилог 5. Благоприятством своим един святыи в покаяние триех разбойников приведе, иже другаго брата оскорбением раздражиша, един же от них, небесную славу узревши, болезней своих забы. Глава 288» (л. 234 об. – 239 об.). Раз-

¹ Здесь и далее ссылки на изд.: РГАДА. Ф. 1251. БМСТ/№ 2467 (4115/1), фил. 108, страницы указаны в тексте в круглых скобках.

² Здесь и далее текст *Великого Зерцала* воспроизводится в современной орфографии по ркп.: ГИМ. Синодальное собр. № 101 (кон. XVII в.). Ссылки с указанием листов – в тексте в круглых скобках.

бойники попросили накормить их в монастыре. Монах, недавно принятый в братство, грубо выпроводил их. Игумен потребовал догнать «гостей», просить прощения и накормить. Удивленные разбойники вернулись и остались в монастыре. Вскоре двое из них скончались, а третий, ежедневно каясь, прожил еще 15 лет. Когда умер настоятель, бывшему разбойнику было видение, в котором он на пути в небесный град преодолел ряд испытаний, встретился с умершим настоятелем и его учениками и созерцал райские места.

4. «Прилог 7. Душ безчисленное множе Иоанн литургисаючи на небо идущих виде. Глава 312» (л. 254). Во время молитвы за умерших брат Иоанн видел, как души покинули мытарства и, подобно огненным искрам из горящей печи, взлетели на небо.

5. «Прилог 7. Различными языки святой Антоний от Падвы пред патриархом глаголаше. Глава 372» (л. 291 – 291 об.). С пламенными речами св. Антоний обратился к папской курии. На собрании были кардиналы разных национальностей, но они поняли проповедника, как будто тот говорил на языке каждого присутствующего.

6. «Прилог 4. Словом Божиим, его же проповедаше святой Антоний, еретицы гнушахуся, рыбы же в водах с радостию прияша. Глава 561» (л. 402–404). В Римини еретики не захотели слушать проповедь Антония. Тогда он призвал рыб хвалить Творца. Рыбы бурно реагировали: качали головами, производили шум, широко открывали рты. Пораженные еретики потребовали проповедь для них, что святой и исполнил.

7. «О величестве силы Честнаго Креста, им же некий и святой человек вселютаго волка усмири и поучением своим в любовь со гражданы приведе. Глава 792» (л. 607 об. – 610 об.). В окрестностях города Губбио волк наводил страх на людей. Подвижник, перекрестив зверя, взял слово не вредить людям. Приведа хищника в город, святой после повторения им клятвы в знак примирения пожал волку лапу.

Выбор переводчиков – трех шляхтичей (Гаврилы Болотинского, Ивана Васютинского, Семена Гуданского), поляка (Семена Лаврецкого) и киевлянина (Григория Колчицкого) [Беляков и др., 2021, с. 67, 76, 107–108, 125–126, 139–144], можно попытаться объяснить. Талантливые полиглоты наверняка были знакомы с бытовавшими в западной книжной традиции «примерами»-«прикладками» о первых францисканцах. Выявляя источники тем и сюжетов *Zwierciadla*, Б. Беднарек обнаружил, что проникнувшие в старопольские издания из составленного иезуитом Йоханнесом Майором в начале XVII в. сборника *Magnum Speculum Exemplorum* легенды *Fuoretum* заимствованы из двух книг: *Flores exemplorum, sive Catechismus Historialis* Антонио д'Аверульта (1554–1614) и *Actus Beati Francisci et Sociorum Ejus* (1327–1340 гг.) [Bednarek, 2009]. В тесно связанной с францисканством доминиканской среде, где до принятия православия духовно пребывал переводчик С. Лаврецкий, наверняка читали ординские хроники и жития миноритов, поэтому образованные шляхтичи и украинцы вполне могли знать францисканскую литературу.

Переводчики с польскими и южнорусскими корнями, наверняка, были знакомы и с традицией почитания «малых братьев» на их родине. Франциск – один из самых прославляемых на Западе подвижников, был известен и в восточно-христианском мире, к которому католический святой обнаруживал близость своим мистическим опытом, имеющим византийскую укорененность [Августин (Никитин), 2015].

Поклонение Антонию Падуанскому в Малой и Белой Руси с XIV в. выразилось в организации на левом берегу Дона в торговом поселении Тана в первой половине XVII в. братства его имени, а в Смоленском воеводстве, где был основан епископат католической Церкви, – в строительстве францисканцами-обсервантами монастыря во имя св. Антония. На территории современной Республики Беларусь и Украины в XVI–XVII вв. построено несколько католических храмов в его честь; составлена служба, включенная в южнорусский Служебник конца XVII в. [Задворный, 2001].

Документы зафиксировали факт почитания Антония Падуанского в Москве: Петр Артемьев († 1700), ученик братьев Лихудов, выпускник Славяно-греко-латинской академии, православный диакон-расстрига, перешедший в католичество, носил на себе его образ [Панич, 2001].

Анализируя содержание переведенных статей из *Fioretty* с точки зрения цельности содержания и лексического соответствия оригиналу, мы заметили, что в большинстве случаев первоисточник передан дословно. Приведем лишь один пример – перевод с польского языка на русский фрагмента 49-й главы *Великого Зерцала*³:

Przykład XX. Anyoł od Másseusá náuczyl sie iáko miál v forty dzwonic, brátá **Bernátá** przez rzeke przeprowadził, pyszny **Heliasz wikáriy Zakonu Fránciszka ś.** Anyolá odegnał, á potym z **Zakonu** wypadł

Tám przszedszy / gdy modły Pánu Bogu oddawał / miał obtawienie od Páná Bogá / żeby poświęćie Blasztory przymował / bo sie miał Zakon iego bárzo roskrzewić: Przeto y ná tenczás w támtéy okolicy z roskazánia Páńskiego Blasztory przimował⁴. Wroćiwszy sie tedy ś. Fránciszek onaż droga / nálażł **bratá Bernatá** y chorego ktoregomu był poruczył / dobrze zdrowego. Dla tego drugiego roku pozwolił mu / áby náviedził grob świętego Jákuhá. **Tym czászem święty Fránciszek / v dał sie ku Spoletu.** A gdy mieszkał ná jednym pustym miejscu z brátem Másseusem / Geliaszem / y z kilka inych bráćiev (s. 32–33).

Прилог 19. Ангел от монаха Моссея научися,
како у врат монастырьских звонити, брата же *некоего* той же Ангел
чрез реку преведе, гордый же *монах* того же Ангела отгна,
посем от *чина монашеского* отпаде. Глава 49

Поклонившегся гробу, возвратившеся паки путем первым, обрете *брата*, яже оставлен бысть при болящем, и болящаго здрава. Брату же тому повеле предидущаго лета // поклонитися гробу святаго Иакова. И посем *той наставник* начат жити в пугте месте со братом Моссеом и Илиею и неколико прочих братии (л. 68 – 68 об.).

³ Полу жирным шрифтом в польском источнике выделены фрагменты, отсутствующие в русском переводе; полу жирным курсивом в обоих источниках обозначены измененные фрагменты.

⁴ «Когда они пришли туда и стояли ночью на молитве в Санть-Ягской церкви, было от Бога откровение святому Франциску о том, что он должен основать по миру много обителей, ибо Орден его должен расширяться и разрастаться в великое множество братьев; и после этого откровения начал святой Франциск основывать обители в той стране» [Цветочки..., 1990, с. 13–14].

Узнать «цветочные» рассказы в русском *Великом Зерцале* оказалось не просто. Имени Франциска, как и его ученика Бернарда ди Квинтавалле, в переложении нет: основатель ордена назван «наставник», «некий муж искусен», «един» от святых и «от монахов», «святый игумен», «некий святый человек и учитель», «человек Божий». Сохранены имена учеников Илии, Массео, Иоанна, Антония, но они, за исключением последнего, не соотносятся с реальными людьми и ситуацией. Например, фраза «прежде реченный отец Иоанн» способствует крайнему обезличиванию персонажа. Имя Иоанн носят многие персонажи *Великого Зерцала*: игумен, который показался сестре как «пришлец» (гл. 3), свт. Иоанн Златоуст (гл. 32), Иоанн Креститель и ап. Иоанн Богослов, блж. Иоанн (гл. 61), Иоанн Евират (гл. 78), св. Иоанн, сидящий в темнице в Англии (гл. 120), и святой, который безбожника – папу Римского Иннокентия, к причастию «приведе» (л. 154), монах Иоанн из монастыря Зачатия Пресвятой Богородицы (гл. 226). Имя Иоанн в составе *Зерцала* стало собирательным, и в сознании образованного книжника, читающего о служащем литургию Иоанне, ассоциировалось с тем подвижником по имени Иоанн, которого он читал. Несмотря на особенности транслитерации, в переводе узнаваемы названия итальянских городов: Ариан (Аримин – древнее название современного Римини), Евгубин (Губбио) и Падва (Падуя). В то же время купированы детали об истории общины, уставе миноритов и фрагменты, прославляющие братство. Возможно, элиминирование имен Франциска и его спутников, «вычищение» содержания статей связано с желанием переводчиков не только устранить католические реалии, но и подчеркнуть общность христианской духовности.

При переложении заимствования из *Фиоретти* названы *прилоги*, в польских оригиналах им соответствуют *przykłady*, в латинских – *exempla*. Следуя за святыми отцами, под «прилогами» понимают «голый помысл» или «образ какого-либо предмета», «мысль, на ум человеку пришедшую» [Ужанков, 2017, с. 91–92]. «Прилогами» («прикладными») названы морально-нравственного содержания небольшого объема тексты, аналогичные *exempla* латинской письменной культуры, которые в назидательной форме раскрывали суть греха, предлагали пути его преодоления и показывали варианты наказания за одержимость им. Что же сближает рассказы из *Фиоретти* в русском *Великом Зерцале* с *exempla*?

Основные признаки *exemplum* в латинской культуре «безмолвствующего большинства» охарактеризованы А. Я. Гуревичем: этот «предельно короткий рассказ» с «минимальным числом действующих лиц» и «колоссальной смысловой нагрузкой» «претендует на то, чтобы в него поверили, несмотря на чудесную его природу» [2007, с. 302–303, 307]. Чуть раньше Ле Гофф и его ученики дали определение экземпляру как «короткому повествованию, выдаваемому за истинное и предназначенное для того, чтобы быть включенным в какую-либо речь (обычно проповедь), с целью убедить аудиторию с помощью спасительного урока» [Brémond et al., 1984] (цит. по: Гуревич, 2003, с. 594)]. Схожую характеристику экземпляру дают многие зарубежные медиоведы (см. [Welter, 1927, p. 1–2; Tubach, 1968, p. 28; Brémond, 1998, p. 21–28; Курціус, 2007, с. 71, 508; Louis, 2011] и др.). Ж. Берлиоз суть дефиниции выразил в математической форме: это приходящая к «консенсусу» сумма «примитивного текста» и «морального принципа» [Berlioz, 2017, p. 8].

О «примере» как феномене, объединяющем «повествовательные формы», содержащие «известное количество сходных эффектов» и тематическое разнообразие, писал П. Зюмтор [2003, с. 405–408]. Собирательный характер экземпляра

подчеркивали А. В. Будилова [2008], Л. Г. Хорева [2011, с. 207], М.-А. Поло де Болье [2013, с. 75], С. Мула [2013, с. 114] и др. Сложность однозначного определения *exemplum* В. В. Смирнова объясняет его «зыбким жанровым статусом»: *exemplum* «включается в другой текст и не функционирует самостоятельно»; реализуется как некая модель, использующая каждый раз релевантные особенности того или иного жанра [2006, с. 18, 21].

Жанрово-функциональная мимикрия экземплума, выражающаяся в его схожести с конструкциями малых жанровых форм, выполняющих функцию поучения и морали, объясняет наличие признаков *exemplum* и в древнерусской письменной культуре. С. М. Шамин [2004] указывает на типологическую близость ряда житийных чудес и средневековых «примеров» в ситуациях, отражающих проникновение в языческую культуру христианства. По наблюдению Н. Д. Зольниковой [2001], в современной старообрядческой литературной традиции повседневная жизнь староверов воссоздана с помощью жанровых особенностей *exemplum*.

Обобщив теоретический опыт, будем понимать под этой дефиницией реализуемый в дидактическом дискурсе нарратив небольшого объема, в построении которого используются признаки средневековых жанров. Эта характеристика относится и к текстам из *Фиоретти*, попавшим в сборник *Великое Зерцало*, которые, подобно средневековым экземплумам, «слишком гетерогенны и по происхождению, и по содержанию, чтобы охватить формальным определением жанра» [Гуревич, 2003, с. 597].

В русском переводе каждый сюжет о братьях-миноритах представляет собой законченное повествование с выраженной назидательной направленностью, как правило, небольшого объема и с ограниченным числом персонажей. Базовым строительным материалом для их форм служили элементы двух жанров: видения (№ 1, 2, 3, 4) и чуда (№ 1, 2, 5, 6, 7). В специальных исследованиях двух статей, где сюжетные линии реализуются в рамках указанных жанров, они названы легендой (о губбийском волке) [Самарина, 2012] и новеллой (о разбойниках) [Карманова, 2013].

Занимательные и поучительные ситуации из жизни первых францисканцев описаны с помощью традиционных для монашеской литературы мотивов, агиографических топосов и элементов паломнических путешествий. Так, мотив о небесном страннике у ворот монастыря встречается в повести об игумене, которого испытал Христос в образе нищего, бытовавшей в составе Великих Миней Четиих (под 18 октября и 31 декабря), Пролога и «Пандектов» Никона Черногорца († после 1097). В Волоколамском патерике Ангел в облике нищего искушал князя Московского Ивана Даниловича Калиту (1284/1288–1340), а в Римском патерике – свт. Григория Двоеслова († 604). О переправе через реку с помощью Ангелов упоминали статья о прп. Амоне Нитрийском († ок. 357), житие прп. Антония Великого († ок. 356) и главка в «Лавсаике» Палладия, еп. Еленопольского († 420).

Духовный подвиг игумена, излечившего прокаженного, напоминал не только об изложенных в новозаветных источниках примерах исцелений недужных Иисусом Христом и апостолами, но и о многих христианских святых и мучениках, прославившихся как целители и чудотворцы бессребреники.

Мотив восхождения на небо душ праведников встречается в жизнеописаниях прпп. Антония Великого, Павла Фивейского († ок. 341), Марка Афинского († ок. 400), Иоанна Ветхопещерника (VIII/IX в.), Пахомия Великого († 346/348), Симеона Столпника Дивногорца († ок. 596), Илариона Далматского, или Нового († 845) и Иосифа Песнописца († ок. 886), Герасима Иорданского († 475),

мчч. Трофима и Фала († 305), Василиска Команского († 308) и др. О ярких свечениях, сопровождавших восхождение, упоминают авторы повествований о прп. Иоаннии Великом († 846), авве Иоанне Колове († 422/430), киево-печерском прпмч. Евстратии-постнике († 1097), св. Бенедикте Нурсийском († 547).

Мотив одновременного говорения на разных языках восходит к описанному в Деяниях святых апостолов сошествию на них Св. Духа в день Пятидесятницы (2: 1–18). Даром глоссолатии обладал прп. Симеон Столпник Дивногорец († 596), подвизавшийся в окрестностях Антиохии Сирийской.

Призыв святого к рыбам славить Бога обнаруживается в легенде о Брэндане Клонфэртском († 577/583), раннем ирландском монашеском святом. Франциск Ассизский произносил проповеди для самых разных представителей флоры и фауны, призывая их славить Творца. Со словами о Христе обращались к братьям меньшим сщмч. Елевферий, еп. Иллирийский Римский († 117–138), св. вмч. Мамант Кесарийский (Каппадокийский) († ок. 275), прп. Шио Мгвимский († ок. 559).

Сюжеты об усмирении подвижниками хищников и об их дружбе с дикими зверями соответствуют библейскому ветхозаветному контексту, утверждающему единство всего тварного мира с пребыванием в Боге, и раскрыты во многих христианских агиографических и патериковых источниках: об авве Герасиме Иорданском († 475) и льве, прп. Савве Освященном († 532) и льве, прп. Коприи († ок. 530) и медведе, бельгийском св. Арнольде Суассонском († 1087) и блж. Себастьяне де Апарисио († 1600). Мотив агрессивного поведения «серого» есть в житии вмч. Евстафия Плакиды († ок. 118), где волк утащил одного из его детей, сщмч. Конона Исаврийского (III в.) и св. Власия, еп. Севастийского († ок. 316).

Мотивно-сюжетные и типологические параллели статей *Фиоретти* и обширного христианского дискурса – отдельная тема, из которой мы выбрали лишь малую часть примеров. Однако они показывают, что персонажи «цветочных» статей, поступая в соответствии с христианским законом, восстанавливают разрушенную грехом реальность: брат отказывается выполнять принятый в монастыре порядок и изгоняется из ордена; святой отец крестным знаменем усмиряет свирепого волка, и горожане обретают покой; молитва праведника открывает душам грешников небесные врата; проповедь приводит еретиков к покаянию; благодаря молитве праведника душа грешника попадает в рай, как и душа раскаявшегося и заслужившего прощение разбойника.

Если взглянуть на семь статей из *Фиоретти* как на тематический комплекс, спаянный внутренним единством, то можно заметить, что его сюжетные линии связаны с проблемами, актуализировавшимися в России, переживавшей в конце XVII в. непростую религиозную ситуацию. Вестернизация отечественной культуры и проникновение в общественную жизнь западных ценностей и представлений, с одной стороны, а с другой – церковный раскол, вызванный литургической реформой, выдвинули на первый план темы сохранения чистоты православия и соблюдения христианских заповедей в социальной практике и быту: они звучали в возрожденной и переживавшей подъем живой проповеди [Киселева, 2011, с. 132–139]. В русле мирного преодоления кризисной ситуации в духовной жизни России, искавшей выхода, успокоения и благоденствия, статьи из *Фиоретти* учили любви к ближнему, назидали о прощении и покаянии, наставляли почитать власть имущих, убеждали в духовной пользе проповеди и силе апостольского служения, являли в персонажах высочайшие образцы крепости духа и глубины веры. Поданные как типичные и обобщенные события, олицетворяющие универ-

сальный порядок, они вполне могли быть поучительной основой для проповеди: сборники *Великое Зерцало* имелись в библиотеках многих русских архиереев.

«Вырванные» из цельного по своему внутреннему устремлению контекста «цветочного» сборника задолго до включения в *Magnum Speculum Exemplarum* статьи о братьях-францисканцах бытовали по многим учительным книгам и их тематическим разделам, где получали дополнительные коннотации. Но в русском переводе в рассказах о «святом наставнике» и его учениках, благодаря обезличенности персонажей и ликвидации многих топографических привязок, усилилась их дидактическая направленность, преобладающим принципом изображения ситуаций стал схематизм, поэтому внимание читателя сосредоточивалось на общем и типическом. Русский читатель, в отличие от западного, соотносил содержание сюжетов и персонажи не с историческими ситуациями, конкретными людьми и реальной топографией, а с сюжетами и мотивами, темами и образами, символикой и метафорикой богатейшей византийской и южно-славянской книжной традиции.

Русские переложения давали возможность начитанному в древнерусских текстах книжнику осмыслять в своей «литературной» памяти ситуации, типичные для монашеской литературы и агиографии, видений и чудес, паломнических путешествий и святоотеческих поучений, а в описаниях типичных ситуаций, зажатых формулярным каркасом, узнавать черты христианской духовной традиции и, возможно, даже соотносить их с собственным жизненным опытом. Подобную функцию в средневековых сборниках и церковных проповедях выполнял *exemplum*. И в этом смысле статьи из *Фиоретти* в русском сборнике *Великое Зерцало* могут быть названы *exempla*.

Использованию данной номинации способствуют также характерный для «цветочных» статей микс из разных жанровых форм, позволяющий максимально реализоваться в дидактическом дискурсе в виде особой техники построения реальности, выраженная поучительная направленность, занимательность повествования, ограниченное число персонажей и небольшой объем. Но главное – архетипическая общность образов и ситуаций, укорененных в христианскую традицию культурных кодов. Возможно, поэтому «цветочные» рассказы о братьях-францисканцах как типичные средневековые «примеры» о разнообразных случаях и перипетиях из средневековой жизни, близкие древнерусской литературе по жанровым особенностям, тематике и сюжетно-мотивному наполнению, продолжают жить в рукописной традиции как в составе *Великого Зерцала*, так и отдельно, и получают под рукой талантливых книжников новые авторские обработки.

Список литературы

Августин (Никитин), архим. Святой Франциск Ассизский и восточное монашество // Нева. 2015. № 9. С. 235–254.

Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю / Науч. ред. А. А. Романова. М.: Индрик, 2021. 304 с.

Будилова А. В. Жанр «exemplum» в контексте средневековых литератур // Література в контексті культури (збірка наукових праць): Зб. праць. Дніпропетровськ, 2008. 350 с. URL: <http://www.info-library.com.ua/books-text-10577.html> (дата обращения 25.05.2019).

- Владимиров П. В. Великое Зерцало (Из истории русской переводной литературы XVII века). М.: Университетская тип., 1884. 274 с.
- Гуревич А. Я. *Exempla*: литературный жанр и стиль мышления // Гуревич А. Я. Избр. тр. Культура средневековой Европы. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 302–341.
- Гуревич А. Я. *Exemplum* // Словарь средневековой культуры. М.: РОССПЭН, 2003. С. 594–597.
- Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М.: Наука, 1965. 438 с.
- Задворный В. Л. Антоний Падуанский // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2001. Т. 2. С. 673–674.
- Зольникова Н. Д. Традиция средневековых *exempla* в творчестве староверов востока России (XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 15. С. 11–15.
- Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики. СПб.: Алетейя, 2003. 544 с.
- Карманова Н. А. Усть-Цилемские списки новеллы «Великого Зерцала» о покаянии трех разбойников // Изв. Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2013. Вып. 1 (13). С. 84–89.
- Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 472 с.
- Мула С. Средневековые цистерцианские *exempla*: между филологией и историей // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. III: Филология. 2013. № 3 (33). С. 113–132.
- Николаев С. И. К изучению «Великого Зерцала» // Сов. славяноведение. 1988. № 1. С. 74–76.
- Панич Т. В. Артемьев // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2001. Т. 3. С. 467–468.
- Поло де Болье М.-А. Сборники *exempla* на народных языках: Новая публика? Новые функции? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. III: Филология. 2013. № 3 (33). С. 75–97.
- Самарина М. С. Символика волка в культуре: от Капитолийской волчицы до волка Франциска Ассизского // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. № 4. С. 216–223.
- Смирнова В. В. Чудо как жанрообразующий элемент средневековых жанров: житие, пример, видение: Дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2006. 254 с.
- Ужанков А. Н. Учение о прилоге как духовная основа художественного образа Анны Карениной // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 89–100.
- Хорева Л. Г. Жанр *exempla* как предшественник новеллы в средневековой испанской литературе // Вестник Рос. гос. гуманитар. ун-та. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 7 (69). С. 206–217.
- Цветочки святого Франциска Ассизского: Пер. с лат. М.: СП «Вся Москва», 1990. 208 с.
- Шамин С. М. Легенда о святом-камнеплавце в русской литературной и фольклорной традиции // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. Вып. 11. С. 471–479.
- Bednarek B. Święty Franciszek i franciszkanie w “Wielkim zwierciadle przykładów” // *Observare Evangelium. Wrocławska Księga Jubileuszu 800-lecia Zakonu Braci Mniejszych* / Pod red. F. M. Rosińskiego. Wrocław, 2009. S. 19–39.

Berlioz J. Consommateurs et consommation au Moyen Âge (XIIIe – XVe siècle). Le double apport des récits exemplaires // Consommateurs et consommation au Moyen Âge (XIe – XVe siècle). L'enjeu des sources, dans Guilhem Ferrand, Judaël Petrowiste, éd. Paris, Publications de la Sorbonne, sous presse, 2017, pp. 1–28. URL: <https://www.academia.edu/31682127/> (дата обращения 26.06.2019).

Brémond Cl. L'Exemplum médiéval est-il un genre littéraire? // Les Exempla médiévaux: Nouvelles perspectives / Éd. J. Berlioz, M. A. Polo de Beaulieu. Paris-Geneve, 1998, pp. 21–28.

Brémond Cl., J. Le Goff J., J.-Cl. Schmitt J.-Cl. L'Exemplum // Typologie des Sources du Moyen Age Occidental. Fasc. 32. Turnhout, 1984, pp. 37–38.

Курціус Е. Р. Європейська література і латинське середньовіччя / Переклав з нім. Анатолій Онишко. Львів: Літопис, 2007. 752 с.

Louis N. Exemplum ad usum: Définition d'usages d'un récit qui n'en a que la forme // Le Récit exemplaire (1200–1800) / Études réunies par V. Duché et M. Jeay. Paris, 2011, pp. 17–36.

Tubach Fr. C. Strukturanalytische Probleme – Das mittelalterliche Exemplum // Hessische Blätter für Volkskunde. 1968, band 59, p. 25–29.

Welter J. Th. L'exemplum dans la littérature religieuse et didactique du Moyen Age. Paris-Toulouse: OCCITANIA: Anciens Librairies Marquese et Bouquet-Morainville réunies, 1927. 285 p.

References

Avgustin (Nikitin), arkhim. Svyatoy Frantsisk Assizskiy i vostochnoe monashestvo [St. Francis of Assisi and Eastern Monasticism]. *Neva*. 2015, no. 9, pp. 235–254.

Bednarek B. Święty Franciszek i franciszkanie w “Wielkim zwierciadle przykładów”. In: *Observare Evangelium. Wroclawska Księga Jubileuszu 800-lecia Zakonu Braci Mniejszych*. F. M. Rosiński (Ed.). Wrocław, 2009, pp. 19–39.

Belyakov A. V., Gus'kov A. G., Liseyev D. V., Shamin S. M. *Perevodchiki Posol'skogo prikaza v 17 v.: materialy k slovaryu* [Translators of the Ambassadorial Prikaz in the 17th century: materials for the dictionary]. A. A. Romanova (Sci. ed.). Moscow, Indrik, 2021, 304 p.

Berlioz J. Consommateurs et consommation au Moyen Âge (13e – 15e siècle). Le double apport des récits exemplaires. *Consommateurs et consommation au Moyen Âge (XIe – XVe siècle)*. L'enjeu des sources, dans Guilhem Ferrand, Judaël Petrowiste, éd., Paris, Publications de la Sorbonne, sous presse, 2017, pp. 1–28. URL: <https://www.academia.edu/31682127/> (accessed: 26.06.2019).

Brémond Cl., J. Le Goff J., J.-Cl. Schmitt J.-Cl. L'Exemplum. *Typologie des Sources du Moyen Age Occidental*, fasc. 32. Turnhout, 1984, pp. 37–38.

Brémond Cl. L'Exemplum médiéval est-il un genre littéraire? *Les Exempla médiévaux: Nouvelles perspectives*. J. Berlioz, M. A. Polo de Beaulieu (Ed.). Paris-Geneve, 1998, pp. 21–28.

Budilova A. V. Zhanr “exemplum” v kontekste srednevekovykh literatur [Genre “exemplum” in the context of medieval literatures]. In: *Literatura v konteksti kul'turi (zbirka naukovikh prats')*. *Zbirnik prats'* [Literature in the context of culture (collection of scientific works). Coll. of works]. Dnipropetrovsk, 2008, 350 p. URL: www.info-library.com.ua/books-text-10577.html (accessed: 25.05.2019).

Derzhavina O. A. “Velikoe Zertsalo” i ego sud'ba na russkoy pochve [The Great Mirror and its fate on Russian soil]. Moscow, Nauka, 1965, 438 p.

Gurevich A. Ya. Exempla: literaturnyy zhanr i stil' myshleniya [Exempla: literary genre and style of thinking]. In: Gurevich A. Ya. *Izbrannye trudy. Kul'tura srednevekovoy Evropy* [Selected Works. Culture of medieval Europe]. St. Petersburg, SPbU Publ., 2007, pp. 302–341.

Gurevich A. Ya. Exemplum [Exemple]. *Slovar' srednevekovoy kul'tury* [Dictionary of Medieval Culture]. Moscow, ROSSPEN, 2003, pp. 594–597.

Karmanova N. A. Ust'-Tsilemskie spiski novelly "Velikogo Zertsala" o pokayanii trekh razboynikov [Ust-Tsilem lists of the novel "The Great Mirror" about the repentance of three robbers]. *"Proceedings" of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*. 2013, iss. 1 (13), pp. 84–89.

Khoreva L. G. Zhanr exempla kak predshestvennik novelly v srednevekovoy ispanской literature [The exempla genre as a predecessor of the short story in medieval Spanish literature]. *RSUH BULLETIN. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*. 2011, no. 7 (69), pp. 206–217.

Kiseleva M. S. *Intellektual'nyy vybor Rossii vtoroy poloviny 17 – nachala 18 veka: ot drevnerusskoy knizhnosti k evropeyskoy uchenosti* [The intellectual choice of Russia in the second half of the 17th – early 18th centuries: from Old Russian bookishness to European scholarship]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2011, 472 p.

Kurtsius E. R. *Evropeys'ka literatura i latins'ke seredn'ovichchya* [European literature and the Latin Middle Ages]. Pereklav z nim. Anatoliy Onishko. Lviv, 2007, 752 p.

Louis N. Exemplum ad usum: Définition d'usages d'un récit qui n'en a que la forme. *Le Récit exemplaire (1200–1800)*, études réunies par V. Duché et M. Jeay. Paris, 2011, pp. 17–36.

Mula S. Srednevekovye tsistertsianskie exempla: mezhdru filologiyey i istoriey [Medieval Cistercian exempla: between philology and history]. *St. Tikhon's University Review. Philology*. 2013, no. 3 (33), pp. 113–132.

Nikolaev S. I. K izucheniyu "Velikogo Zertsala" [Towards the study of the "Great Mirror"]. *Sovetskoe slavyanovedenie*. 1988, no. 1, pp. 74–76.

Panich T. V. Artem'ev [Artemiev]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church Scientific Center "Orthodox Encyclopedia", 2001, vol. 3, pp. 467–468.

Polo de Bol'e M.-A. Sborniki exempla na narodnykh yazykakh: Novaya publika? Novye funktsii? [The exempla vernacular compilations: A new audience? New features]. *St. Tikhon's University Review. Philology*. 2013, no. 3 (33), pp. 75–97.

Samarina M. S. Simvolika volka v kul'ture: ot Kapitoliyskoy volchitsy do volka Frantsiska Assizskogo [Symbolism of the wolf in culture: from the Capitoline she-wolf to the wolf of Francis of Assisi]. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 2012, no. 4, pp. 216–223.

Shamin S. M. Legenda o svyatome-kamneplavtse v russkoy literaturnoy i fol'klornoy traditsii [The legend of the saint-stone-melter in the Russian literary and folklore tradition]. In: *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Moscow, LRC Publishing House, Progress-traditsiya, 2004, iss. 11, pp. 471–479.

Smirnova V. V. *Chudo kak zhanroobrazuyushchiy element srednevekovykh zhanrov: zhitie, primer, videnie* [Miracle as a genre-forming element of medieval genres: life, example, vision]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2006, 254 p.

Tsvetochki svyatogo Frantsiska Assizskogo: Perevod s latinskogo [Flowers of St. Francis of Assisi: Translation from Latin]. Moscow, SP "Vsya Moskva", 1990, 208 p.

Tubach Fr. C. Strukturanalytische Probleme — Das mittelalterliche Exemplum. *Hessische Blätter für Volkskunde*. 1968, band 59, pp. 25–29.

Uzhankov A. N. Uchenie o priloge kak dukhovnaya osnova khudozhestvennogo obraza Anny Kareninoy [The doctrine of the accretion as the spiritual basis of the artistic image of Anna Karenina]. *The New Philological Bulletin*. 2017, no. 2 (41), pp. 89–100.

Vladimirov P. V. “Velikoe Zertsalo” (Iz istorii russkoy perevodnoy literatury 17 veka) [The Great Mirror (From the History of Russian Translated Literature of the 17th Century)]. Moscow, Universitetskaya tip., 1884, 274 p.

Welter J. Th. *L'exemplum dans la littérature religieuse et didactique du Moyen Age*. Paris-Toulouse, OCCITANIA, Anciens Librairies Marqueste et Bouquet-Morainville réunies, 1927, 285 p.

Zadvornyy V. L. Antoniyy Paduanskiy [Anthony of Padua]. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Church Scientific Center “Orthodox Encyclopedia”, 2001, vol. 2, pp. 673–674.

Zol'nikova N. D. Traditsiya srednevekovykh exempla v tvorchestve staroverov vostoka Rossii (20 v.) [The tradition of medieval exempla in the work of the Old Believers of the East of Russia (20th century)]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2001, no. 15, pp. 11–15.

Zyumtor P. *Opyt postroeniya srednevekovoy poetiki* [The experience of constructing medieval poetics]. St. Petersburg, Aleteyya, 2003, 544 p.

Сведения об авторе

Севастьянова Светлана Климентьевна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия); профессор Сибирского института управления – филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы (Новосибирск, Россия)

sevask@mail.ru

ORCID 0000-0002-9131-3285

Information about the author

Svetlana K. Sevastyanova – Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Professor of the Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation)

sevask@mail.ru

ORCID 0000-0002-9131-3285